

А. П. Сковородников, Э. А. Королькова
Красноярск, Россия

РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ: ЭТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ «НОВОЙ ГАЗЕТЫ»)

АННОТАЦИЯ. В статье, посвященной внутрироссийской информационно-психологической войне, на основе обобщения данных научной литературы и наблюдений над речевым материалом предложены определения информационно-психологической войны, ее субъекта, объекта, мишени, актора, информационного оружия и понятий «коммуникативная стратегия» и «коммуникативная тактика». С учетом указанных понятий на материале текстов «Новой газеты» были рассмотрены речевые тактики и их языковое воплощение в рамках внутрироссийской информационно-психологической войны, описанию которых в статье уделено основное внимание. Найдены и охарактеризованы 33 манипулятивные тактики, нарушающие те или иные лингвопрагматические постулаты этического порядка. Среди языковых средств реализации этих тактик обнаружены оценочные эпитеты, номинации с отрицательно-оценочной коннотацией, политические ярлыки, синтаксические конструкции с отрицательно-оценочными предикатами, а также ряд стилистических фигур и такое графическое средство, как кавычки. Сделан вывод о том, что изучение языкового аспекта информационно-психологической войны актуально и значимо с точки зрения безопасности российского социума и государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационная война; манипуляция; лингвопрагматические постулаты; стратегии; тактики; языковые средства; безопасность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Сковородников Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор, профессор-консультант кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет; адрес: Россия, 660041, Красноярск, пр-т Свободный, 79; e-mail: skapnat@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Королькова Элина Александровна, аспирант кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет; адрес: Россия, 660041, Красноярск, пр-т Свободный, 79; e-mail: korolkova_elina@mail.ru.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что на международной арене происходит информационно-психологическая война, главным объектом которой является сознание и душа человека. Эта борьба идет за то, чтобы сформировать у людей систему ценностей, которая выгодна оппонентам государства.

Владимир Добренков

В каждой медали как минимум две стороны. Мы — рядовые информационной войны. Как и простая, она не проходит без жертв, В них вообще много общих находится черт. Есть и враги. Это те, кто с другой стороны, Так же, как мы, лишь солдаты идущей войны.

Сергей Баталов

Информационная война — многоаспектное понятие, поэтому неудивительно, что она является объектом пристального внимания политологов, философов, социологов, психологов, культурологов, журналистов, лингвистов [Кара-Мурза 2015 и др.; Почепцов 2015 и др.; Расторгуев 1999; Цуладзе 1999; Брусницын 2001; Губарев 2005; Лисичкин, Шелепин 2005; Бухарин, Цыганов 2007; Дзялошинский, Дзялошинская 2007; Соколова 2007; Панарин 2010; Ковалева 2011; Ткаченко 2011; Сковородников, Копнина 2012; Клачков 2013; Беляев 2014; Коровин 2014; Подъяпольский 2014 и мн. др.], а также некоторых журналов, к которым относятся «Политическая лингвистика», «Национальная оборона». Показателем актуальности проблематики информационной войны является появление соответствующих словарей [Вепринцев и др. 2015]. Как замечает А. М. Соколова, информационная война является принципиальной состав-

ляющей современного глобализационного процесса, и без понимания ее сущности невозможно в полной мере оценить последствия «глобализационного давления» [Соколова 2007: 3].

Исследователи дают такие определения понятию «информационная война»: «новое оружие — информационно-психологическое», суть которого — «воздействие на общественное сознание таким образом, чтобы управлять людьми и заставить их действовать против своих интересов» [Лисичкин, Шелепин 2005: 10, 37]; «управление информационными потоками в своих целях, управление явное и тайное, для достижения определенных результатов» [Панарин 2010: 4], «способ организации ноосферы и мирового информационного пространства в своих интересах и целях» [Панарин 2012: 3]; «нашествие определенных идей, которые разрушают национальное самосознание целого народа <...> Информационная война ставит

перед собой цель изменить мировоззрение большой социальной группы или целого общества» [Ткаченко 2011: 9—12]; «особый вид отношений между государствами, при которых для разрешения существующих межгосударственных противоречий используются методы, средства и технологии силового воздействия на информационную сферу этих государств» [Некляев 2008: 35]; «общее наименование целого комплекса разного рода и уровня мирных „военных“ действий, ведущихся нетрадиционным способом, с опорой на использование культурных средств подавления логического мышления, разрушения его структур при направленном манипулировании информацией» [Самохвалова 2013: 192—193]; «плановое информационное воздействие на всю инфокоммуникационную систему противника и нейтральные государства с целью формирования благоприятной глобальной информационной среды для проведения любых политических и геополитических операций, обеспечивающих максимальный контроль над пространством» [Василенко 2009: 153]; «явные и скрытые целенаправленные информационные воздействия систем друг на друга с целью получения определенного выигрыша в материальной сфере» [Расторгуев 1999: 226 и более поздние издания].

Не вдаваясь в критику перечисленных дефиниций, ряд которых можно было бы продолжить, обратим внимание на их подчас существенные различия при определенных чертах сходства. Имея в виду лаконизм, уровень заданной абстракции и одновременно достаточную полноту, последнюю дефиницию можно считать приемлемой для интегрального определения родового понятия «информационная война», однако с непрямым уточнением: «в материальной и/или духовной сферах». Причем надо учитывать, что, когда говорят об информационной войне, в большинстве случаев имеют в виду сферу политики. Между тем, как полагают некоторые исследователи, «элементы информационной войны присущи и вполне мирным ситуациям. Это и выборы, особенно президентские, это и войны брендов, это и инструментарий паблик рилейшнз, который по сути своей является мягким вариантом информационной войны...» [Почепцов 2015: 6]; об этом же, по существу, говорят и те, кто упоминает об информационных войнах в быту и бизнесе [Цыганов, Бухарин 2007: 18]. Поэтому, поскольку в нашей статье рассматривается разновидность информационной войны, именуемая обычно информационно-психологической, наряду с информационно-технической (об их дифференциации см., напр.: [Панарин 2012: 57—58; Соколова 2007: 19; Почепцов 2000: 56]), есть необходимость дать определение этой разновидности информационной войны. Исследователи предлагают, например, такие определения: «Информационно-психологическое воздействие представляет собой целенаправленное производство и распространение специальной информации, оказывающей непосредственное влияние (положительное или отрицательное) на функционирование и развитие информационно-психологической среды общества, психику и поведение политической элиты и населения» [Панарин 2012: 58];

«Информационно-психологическая война представляет собой комплекс мер, направленных на смену социальных ориентаций представителей определенной целевой группы» [Шевцов 2014: 81]. Не противореча в принципе указанным определениям, предложим несколько более обобщенную и одновременно учитывающую роль языка и речи формулировку: **информационно-психологическая война представляет собой намеренное информационное воздействие на какой-либо объект (сознание народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения с целью извлечения выгоды субъектом этого воздействия, осуществляемого с привлечением определенных речевых стратегий, тактик и языковых средств.**

Один из основных атрибутов информационно-психологической войны — **субъект, или инициатор**, этого процесса, а также **актор, или исполнитель**. Субъект, как и актор, может быть как единичным, так и коллективным. Представляется важным подчеркнуть, что инициатор и актор могут совпадать в одном субъекте, а могут и не совпадать в случае, если инициатор (например, определенная компания, учреждение, политическая партия, правящий класс какого-либо государства) является заказчиком, а непосредственным исполнителем (актором, коллективным или индивидуальным) — конкретное лицо или орган СМИ. Кроме того, субъект может быть, условно говоря, «нападающим» и «обороняющимся», ибо информационно-психологическая война, как правило, процесс двусторонний. Целеполагание субъекта информационно-психологической войны — это всегда стремление достичь комплекса положительных для себя результатов — политических, экономических, социальных и/или идеологических — за счет нанесения ущерба противоположной стороне.

Предлагаются типологии субъектов информационной войны. Так, типология, предложенная А. В. Манойло, А. И. Петренко и Д. Б. Фроловым, учитывает такие виды субъектов информационного влияния: государства, их союзы и коалиции; межгосударственные организации; негосударственные незаконные вооруженные формирования и организации террористической, экстремистской, радикальной политической или религиозной направленности; транснациональные корпорации; виртуальные социальные сообщества; медиа-корпорации; виртуальные коалиции [Манойло, Петренко, Фролов 2004: 281].

Объектом информационно-психологической войны, с нашей точки зрения, является сознание народа в целом или какой-либо целевой группы (социальной, конфессиональной, профессиональной и т. д.), а также сознание какого-либо индивида (более редкий случай). В связи с глобализационными процессами, происходящими в современном мире, объектом информационно-психологической войны часто становится сознание всего человечества или его значительной части. Следует заметить, что в реальной жизни выделенные объекты могут совпадать.

А. Б. Губарев в качестве родовых объектов информационных войн упоминает систему социальных отношений информационного общества; систему политических отношений информацион-

ного общества; систему психологических отношений информационного общества [Губарев 2005: 69]. К числу частных объектов информационной войны автор относит любой компонент или сегмент информационно-психологического пространства: массовое и индивидуальное сознание граждан; социально-политические процессы; информационную инфраструктуру; информационные и психологические ресурсы [Там же].

Перечень объектов информационной войны, представленный А. Б. Губаревым, дает основание считать необходимым дифференцировать понятия **объекта** и **мишени**, поскольку, как нам представляется, **объект** информационно-психологической войны — это сознание тех или того, на кого направлено речевое воздействие с целью изменения этого сознания в нужном для манипулятора направлении. А **мишень** — это та сторона действительности, так или иначе связанная с объектом, которая подвергается дискредитации для того, чтобы воздействовать определенным образом на объект. Причем в мишени может быть выделено ядро (или болевая точка), на которое направлен основной удар субъекта информационно-психологической войны. Так, например, для дискредитации Русской православной церкви в глазах российского народа, и прежде всего верующих, мишенью может стать и становится патриарх Кирилл; для дискредитации властной вертикали российского государства в глазах нашего и других народов — Президент В. В. Путин и т. д.

Под **оружием информационно-психологической войны** мы подразумеваем высказывания и тексты любого жанра, в основу организации которых положены стратегия и тактики дискредитации какой-либо мишени (мишеней), с соответствующим языковым оформлением.

В своем исследовании мы придерживаемся следующего понимания коммуникативных стратегий и тактик.

Речевая (коммуникативная) стратегия — это общий план, или общая линия речевого поведения, определяемые коммуникативной целью (целями) говорящего/пишущего на основе осознания коммуникативной ситуации, под которой понимается совокупность факторов, влияющих на ход коммуникации (время и место коммуникации, интенции участников коммуникации, их профессиональные, возрастные и гендерные характеристики, социальные статусы и роли, особенности характера, тип межличностных отношений, эмоциональное состояние и другие факторы).

Речевая (коммуникативная) тактика — это речевое действие (речевой акт или несколько взаимосвязанных речевых актов), соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа. Использование речевой тактики или некоторой их совокупной последовательности призвано обеспечить осуществление речевой стратегии и, в конечном итоге, достижение коммуникативной цели говорящего/пишущего [Сковородников 2012: 246—247].

Причем, надо полагать, что если стратегия, обусловленная коммуникативной целью, выбирается сознательно, то тактики могут «нащупываться» интуитивно в процессе создания текста.

Отметим, что, вслед за А. В. Манойло и В. М. Коровиным, мы разграничиваем внешнюю информационную войну (ведущуюся извне акторами, пребывающими за пределами России) и внутреннюю (ведущуюся акторами, находящимися в России) [Манойло 2005; Коровин 2014: 70—71].

В специальной литературе отмечается, что, при большом интересе к информационным войнам и множестве публикаций по этим проблемам, их авторы «за редким исключением не касаются механизмов и систем управления информационным противоборством, методов и технологий его ведения» [Бухарин, Цыганов 2007: 9], что «почти нет ничего об информационной защите общества, человека как существа общественного от тлетворного влияния на него недобросовестной, заведомо ложной информации» [Брусницын 2001: 10]. К этому мы можем добавить, что остается недостаточно разработанным лингвистический аспект информационных войн, хотя существует большое количество литературы, посвященной проблемам речевой коммуникации и манипулирования сознанием, в которой можно найти интересный материал по языковой технологии того феномена, который получил название «информационная война» (см., напр.: [Кара-Мурза 2015а; Копнина 2010; Ковалева 2011; Сковородников, Копнина 2012а, б; Копнина 2012; Лиллекер 2010; Почепцов 1999 и мн. др.]).

В своей статье мы не претендуем на то, чтобы осветить все стороны такого многообразного явления, как информационно-психологическая война, и предъявить исчерпывающий список применяемых в ней тактик. Цель статьи — обратить внимание читателей на типичные тактики и языковые средства, применяемые во внутрироссийской информационной войне, ведущейся против нашей страны, цивилизации и национальных ценностей, что, как мы надеемся, будет стимулировать дальнейшее изучение лингвистического аспекта информационной войны и тем самым способствовать повышению уровня информационной безопасности. Эта цель реализуется посредством контекстологического и семантического анализов текстов одного из коллективных акторов такой войны — «Новой газеты».

Здесь требуется существенная оговорка. Для утверждения, что какой-то орган СМИ или отдельный автор является актором информационно-психологической войны против какого-то объекта, нужны объективные, т. е. соответствующие действительности основания (критерии). Такими основаниями, по-видимому, следует считать: а) преобладание в печатном органе (или у одиночного автора) негативно-оценочной информации об одном и том же объекте или мишенях, имеющих комплементарное отношение к этому объекту; б) направленность этой информации на дискредитацию этих мишеней или объекта как такового; в) регулярность и постоянство публикаций с такого рода информацией; г) такое же регулярное и постоянное отсутствие позитивно-оценочной информации об этих мишенях или о самом объекте. Поскольку тексты «Новой газеты» соответствуют перечисленным критериям, есть основания считать эту газету коллективным актором информационно-психологической войны (со-

мневающиеся могут убедиться в справедливости сказанного, прочитав подборку этой газеты хотя бы за 2—3 месяца). Такое утверждение не значит, что все материалы этой газеты являют собой факт информационной войны, поскольку в этой газете, как и во многих других, можно найти критику недостатков, действительно имеющих место в российской действительности; на страницах этой газеты помещаются также и материалы, нейтральные в оценочном отношении (информация о событиях в области культуры, спорта, объявления и т. п.). Речь идет об устойчивой политической линии этой газеты, о ее, так сказать, собирательном политико-лингвистическом портрете.

Переходим к основной части нашей статьи. Для выявления и описания речевых тактик были проанализированы 34 статьи, опубликованные в указанной газете преимущественно в 2014 и 2015 г. Результаты наших наблюдений таковы.

Во всех анализируемых текстах, взятых в своей совокупности, по сути дела, осуществляется одна генеральная стратегия — стратегия дискредитации — и ее субстратегии: дезинформация, диффамация, дегероизация, «глушение», или искажение исторической памяти, примитивизация сознания, осмеяние и др. (вопрос о субстратегиях указанной генеральной стратегии требует специального исследования и будет нами рассмотрен в отдельной статье), направленные на такие мишени, как патриотические организации современной России; ее внешняя и внутренняя политика; властная вертикаль во главе с Президентом В. В. Путиным; партия «Единая Россия», составляющая парламентское большинство; российская правоохранительная система; Русская православная церковь; идея имперской России и соответствующие ей символы; возвращение Крыма в лоно Отечества; жители Новороссии, защищающие право быть людьми русской культуры, говорить на русском языке, и помогающие им российские добровольцы и др.

Параллельно, в противовес этому, осуществляется стратегия апологетики антироссийских политических сил: организаций, партий, персон, настроенных по отношению к России враждебно; политики США и Евросоюза, направленной против России; деятелей культуры, оскорбляющих своими действиями русское национальное сознание и православную веру; украинских шовинистов и экстремистов; НКО, существующих на зарубежные гранты, деятельность которых (по крайней мере некоторых из них) сомнительна с точки зрения национальной безопасности. Однако по условиям ограниченности рамок статьи стратегия апологетики с ее тактиками в нашей статье не рассматривается.

Генеральная стратегия дискредитации реализуется с помощью тактик, языковых средств и приемов, в том числе тропов и речевых фигур, использование которых нарушает лингвопрагматические принципы (постулаты, максимы), носящие в основном этический характер. Описание этих тактик и приемов в нашей статье осуществляется в соответствии с нарушениями этих постулатов, выделенных такими авторами, как Г. П. Грайс, Д. Гордон, Дж. Лакофф и др. (см. [Иванов 2003: 495–497]), и сопровождается толь-

ко одним или двумя текстовыми примерами, что обусловлено довольно большим объемом необходимого для реализации и осмысления соответствующей тактики контекста. В отдельных случаях примеры комментируются. Заметим также, что в речевых примерах сохраняются орфография и пунктуация первоисточника.

1. Лингвопрагматическая **категория количества**, включающая два постулата: «Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется для текущей цели диалога»; «Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется» [Иванов 2003: 496].

Нарушение первого постулата осуществляется в следующих тактиках:

1.1. Тактика неприведения или неопределенности (неуточненности) данных об источнике информации:

- В статье Елены Милашиной «За попытку позитивных изменений государственной политики» (НГ. 2015. № 35) приводится диалог правозащитников из Комитета против пыток с прокурором Нижнего Новгорода, но подлинность этого диалога не подтверждена ссылкой на какой-либо документ (например, на протокол судебного заседания);

- В статье Ольги Мусафириной «Чуден „Днепр-1“ при тихой погоде» (НГ. 2015. № 32) читаем: *В тот же день некоторые СМИ (здесь и далее выделено нами — А. С. и Э. К.) распространили информацию о том, что „неизвестные“ хорошо известны как бойцы полка патрульной службы милиции особого назначения „Днепр-1“ <...>. Как утверждают источники, добровольцы контролировали трафик контрабанды в ДНР.*

1.2. Тактика неприведения фактических данных, подтверждающих обоснованность того или иного положения (высказывания).

- В статье Елены Рачевой «Иосиф Виссарионович Грозный» (НГ. 2015. № 35) о современной ситуации в России без какой-либо опоры на факты утверждается: *Сознание людей фрагментарно, они считают, что террор никогда их не коснется, что сажают всегда других.*

1.3. Тактика одностороннего освещения того или иного события (явления); умолчания о фактах, которые могли бы поставить под сомнение оценочные высказывания об этом событии.

- Георгий Бородинский в статье «В опере прозвучала партия жуликов и воров» (НГ. 2015. № 35) берет под защиту кощунственную постановку оперы Вагнера «Тангейзер» в Новосибирске, аргументируя свою позицию, в частности, сообщением о том, что «5 апреля в Новосибирске прошел митинг интеллигенции в защиту „Тангейзера“», одновременно замалчивая факт проведения в Новосибирске массового митинга (от 5 до 10 тысяч) православных, религиозные чувства которых были оскорблены грубым искажением выдающегося произведения Вагнера, когда режиссер Тимофей Кулябин «кощунственно ввел в оперу „Тангейзер“ отсутствующий в оригинальном либретто персонаж — Бога Иисуса Христа, показал его тонущим в страстях с развратными женщинами, а на иллюстративном полотне — распятым между ног блудницы» (см. открытое письмо членов Новосибирского отделения Петровской

академии наук и искусств на сайте «Русской национальной линии» по поводу постановки оперы «Тангейзер» в Новосибирском оперном театре).

Нарушение второго постулата, запрещающего неоправданную избыточность информации, находим в следующих тактиках:

1.4. Тактика такой детализации отрицательной характеристики мишени в широком смысле (ситуации, события, чьих-либо действий и т. д.), которая создает иллюзию компетентности автора (авторов) этой характеристики и позволяет создать в тексте тональность осуждения (или по крайней мере неприятия данного события или ситуации).

• Примером может служить текст статьи Александра Панова «Шпион — находка для шпиона» (НГ. 2015. № 9), в которой детально описываются неудачи российских разведчиков в США (называемых автором статьи *шпионами* и характеризующихся как непрофессионалы) для утверждения тезиса экспертов (каких?) о том, что «Россия возрождает советскую практику создания подпольных агентурных сетей».

1.5. Тактика нагнетания негативных оценок мишени, содержащихся в высказываниях сторонних лиц или СМИ, что создает иллюзию объективности.

• Так, в статье Александра Панова «Выборы 2016 в США: фавориты и новички» с подзаголовком «К Владимиру Путину кандидаты в президенты относятся одинаково негативно» (НГ. 2015. № 46) неоднократно повторяются без каких-либо комментариев негативные оценки Президента России представителями американской политической элиты: *В беседе с радио-ведущим ток-шоу Хью Хевиттом 30 марта Джеб Буш назвал президента России Владимира Путина „беспощадным прагматиком“, заявив, что США должны дать понять Москве, что намерены защищать НАТО и его членов; <...> Одной из первых сравнила действия Путина в Крыму с действиями Гитлера в Судетах Хиллари Клинтон — бывшая первая леди Америки, сенатор от штата Нью-Йорк, государственный секретарь в первый президентский срок Барака Обамы; <...> Клинтон не стала бы колебаться и дала бы оружие Украине, успокоила бы союзников по НАТО, потому что у США отлично получается играть именно с позиции силы, пишет Рубио. Тем более, это „единственный язык, который понимает Путин“; <...> Владимир Путин „должен заплатить“ за аннексию Крыма, убежден Рубио; <...> И у Рэнда Пола нашелся соответствующий пассаж про российского президента <...>. Рэнд Пол осудил аннексию Крыма и вмешательство России на востоке Украины; <...> Выступая в Фонде „Молодая Америка“, Круз перефразировал Рональда Рейгана: „Господин Путин, верните Крым назад!.. Мы должны встать и выступить в поддержку свободы“; <...> Общий фон на этих выборах, очевидно, складывается не в пользу нынешних российских властей. Если учесть, что в статье ни слова не сказано в защиту российского президента и его внешней политики, становится достаточно очевидной позиция ее автора.*

2. Нарушения постулатов **категории способа**, требующих ясности и однозначности выска-

зывания («Выражайся ясно», «Избегай неоднозначности»).

2.1. Тактика намека, т. е. такая организация высказывания, которая «предполагает понимание по догадке», по ассоциативным связям, и создает нужный манипулятору подтекст:

• *В прошедшую пятницу судья Советского районного суда Нижнего Новгорода Ольга Тоненкова признала законным прокурорское представление, на основании которого правозащитная организация „Комитет против пыток“ была признана иностранным агентом. Несмотря на то, что судиться с государством по такому поводу — дело статистически безнадёжное, шанс на правосудие в случае с КПП все-таки был* (НГ. 2015. № 35). Здесь в подтексте содержится мысль о несправедливости правовой системы России.

2.2. Тактика привлечения в качестве доказательства не документов, а текстов, для которых документальность не релевантна.

• Например, Ксения Кнорре-Дмитриева в статье «Донос крепчал» пишет: *В советский период донос стал одной из обязанностей советского человека, проявлением гражданской сознательности и доблести, и детей приучали к доносительству с ранних лет* (НГ. 2015. № 33), привлекая в качестве аргумента не документальные данные, а антиутопию В. Войновича «Москва-2042», и не уточняя, на каком отрезке советского периода нашей истории доноительство действительно было распространено.

2.3. Тактика двойных стандартов в оценке действий одного порядка: то, что делается идеологически близкими, оценивается положительно, а то, что делается идеологическими оппонентами, — отрицательно:

• *Как противостоять доктрине Путина, о которой с тревогой говорят вашингтонские эксперты, начиная с Бжезинского, хватит ли для этого новой волны масштабных санкций, на которые так и не решились пока европейские лидеры? Суть доктрины: Россия считает себя вправе защищать интересы русскоязычного населения, проживающего за ее нынешними границами. Джон Хербст, американский посол в Киеве времен „оранжевой“ революции, отмечает: „Эта доктрина опасна не только для Украины, но для всех государств, где проживает значительное число русских и русскоговорящих. Речь идет о странах Закавказья, Белоруссии, Молдавии, а также о Казахстане, где проживает около 20 процентов этнических русских, Латвии и Эстонии. В Литве, Польше, Румынии, Болгарии также проживает достаточно русских, чтобы господин Путин мог применить свою доктрину на практике. И если он добьется успеха на востоке Украины, мы неизбежно столкнемся с новыми проблемами“ <...>. События в Украине, начиная с Крыма, поставили перед Западом серьезный выбор, самый серьезный после холодной войны, и все сейчас зависит от пресловутого трансатлантического единства. Но европейцы, отмечают американские СМИ, не готовы идти в противостоянии с Россией столь же далеко, как Вашингтон* (НГ. 2014. № 82). В этом тексте России ставится в вину, что

она готова защищать интересы русских, проживающих за ее пределами, в то время как аналогичным образом поступают все уважающие себя страны, прежде всего США. Утверждается также, что внешняя политика России («доктрина Путина») представляет опасность для соседних с нею стран. Причем автор текста уходит от оценки этих утверждений американских дипломатов.

2.4. Тактика похвалы противников или критиков мишени (в данном случае — России), часто на фоне негативных о ней высказываний:

- *Вообще-то гостей с Украины за время конфликта стало чуть ли не в пять раз больше <...>. Пишут разное. Приятнее всего, конечно, читать такое (свежая почта всего за один час): „Спасибо всем работникам “Новой газеты” за тот неимоверный и опасный труд (в вашем государстве он действительно опасный), который вы делаете, чтобы открыть людям глаза“; „Спасибо моим друзьям в России, Вам — уважаемая редакция этой газеты, радио “Эхо Москвы” и еще нескольким источникам — не дайте поверить, что вся огромная Россия напрочь обманута и находится фактически под наркотическим кайфом “НТВ”, идеи “Русской весны” и искренней веры в абсолютную непогрешимость действующей власти“ (НГ. 2014. № 108).*

Следует подчеркнуть, что все выделенные тактики, нарушающие лингвопрагматические категории количества и способа, одновременно нарушают и лингвопрагматическую категорию качества, требующую истинности высказывания («Не говори того, что считаешь ложным»; «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований»).

3. Нарушение категории качества особенно заметно в следующих тактиках.

3.1. Тактика аргументативно недостаточных объяснений и оценок каких-либо фактов, событий, процессов, часто сочетающаяся с искажением действительного положения вещей.

- Михаил Эпштейн в статье «Свет и клир» (НГ. 2014. № 14), объясняя, почему у мусульман и православных плохо прививается секуляризация, пишет: *Отсюда такие сложности становления светского общества в мусульманских странах и на христианском Востоке, где человеческое в Богочеловеке воспринимается с трудом, подчиняется „надчеловеческому“, которое, в свою очередь, отождествляется с бесчеловечным.* Выделенная часть текста содержит никак не аргументированное, но дискредитирующее мусульман и православных христиан утверждение.

3.2. Тактика подачи желаемого (гипотетического) как действительно имеющего или имевшего место без каких-либо обоснований:

- *Качественные ответы на вызовы могут прийти только изнутри протестного сообщества. Только в нем сосредоточен опыт политического действия и рефлексия (НГ. 2014. № 126).*

3.3. Тактика инверсии фактического положения вещей (перекладывания «с больной головы на здоровую»):

- *Проведенный нами 10 месяцев назад аудит российской политики (см. „Новую“, № 57 от 28 мая 2014 г. — „Политическая бухгалтерия“) уже*

тогда показал очевидный отрицательный баланс: практически на всех направлениях своих отношений с внешним миром Россия потерпела поражение <...>. И это не результат козней Запада или кого-то еще извне, а следствие стратегической ошибки при оценке ситуации на Украине, а также места и возможностей России в мировом порядке. Россия этот порядок нарушает — остальные защищаются (НГ. 2015. № 32).

3.4. Тактика приписывания оппоненту каких-либо мыслей, намерений, высказываний (так называемое «чтение в сердцах»):

- *Отсюда, кстати, и отношение к международной изоляции. Которую официально отрицают, но против которой по большому счету не имеют ничего против. Ну, может быть, тотальная изоляция и не выгодна. Но частичная — с ограничением вредных контактов и санкциями, мобилизующими население (вот они, гады, как на нас давят, а президент — молодец, не прогибается!) и объясняющими, почему у нас ухудшилось экономическое положение и сократились доходы (а вовсе не из-за ставки на экспорт подешевевших углеводородов и дурной экономической политики), вполне полезно. На данном этапе она лишь укрепляет аргументацию режима, стремящегося бесконфликтно въехать в новый политический сезон (НГ. 2015. № 32).* Делается попытка произвольно и бездоказательно трактовать замыслы верховной власти.

3.5. Тактика положительной оценки того, что с точки зрения общечеловеческой морали всегда оценивалось отрицательно (например, предательство):

- *Теперь не какая-нибудь шелупонь лоббирует режим Лукашенко в Евросоюзе, а сам Евросоюз. И, естественно, главной причиной тому — война на Украине. На фоне агрессора Путина Александр Лукашенко начинает мнить европейцам почти демократом. И ради мнимой стабильности хотя бы на этом участке буферной зоны между Европой и Россией, оказывается, можно забыть и о тех, кто по-прежнему сидит в тюрьмах, и о тех, кто их туда посадил. Художественный руководитель белорусского „Свободного театра“ Николай Халезин — один из тех, кто убеждал руководство Евросоюза в необходимости введения санкций против репрессивного аппарата (НГ. 2015. № 28).* Таким образом, в статье позитивно оцениваются действия человека, работающего против собственного государства.

3.6. Тактика создания компрометирующих ассоциаций:

- *Дмитрия Фирташа арестовали в Австрии, где он жил со времен Майдана, 12 марта 2014 года, по запросу ФБР. Однако вскоре отпустили под рекордный, в 125 миллионов евро, залог. „Украинская правда“ располагает сведениями: деньги перевел российский миллиардер Василий Анисимов, друг приближенного к Путину Аркадия Ротенберга (НГ. 2015. № 46).* Здесь, кроме ассоциации предполагаемого уголовного с Путиным, использована тактика неопределенности источника информации.

3.7. Тактика подмены понятий:

• **Антисекуляризм**, или в широком смысле фундаментализм, также возможен в двух вариантах. Религиозный фундаментализм — это исламизм во многих странах Ближнего Востока, это нетерпимость к другим религиям и к светскому образованию, к гражданской и гендерной эмансипации. В России эта позиция тех клерикальных кругов, которые выступают за **вмешательство** церкви в политику, законодательство, культуру, образование (НГ. 2014. № 14). Однако «клерикальные круги» (повидимому, имеются в виду иерархи Русской православной церкви) не занимаются **вмешательством** в политику, законодательство, культуру и образование. А хотя бы естественного для такой важной общественной институции, как церковь, **участия** в этих сферах. Кроме того, заметим: этот текст организован таким образом, что нетерпимость к другим религиям и светскому образованию якобы свойственна РПЦ, что со всей очевидностью противоречит действительности.

3.8. Близкая к предыдущей тактика не соответствующего действительности обвинения мишени в отождествлении нетождественного:

• **Сторонники жесткой, как у Путина, руки, люди советской ментальности, для которых слова „украинец“ и „бандеровец“ — однокоренные** (таких по-прежнему больше на востоке, юге и юго-востоке страны), разочарованы (НГ. 2014. № 15). У людей советской ментальности такого отождествления, разумеется, нет и быть не может в силу исторических причин, а вот современные бандеровцы очень постарались и стараются, чтобы такое отождествление возникло.

3.9. Тактика искажения логических, в том числе причинно-следственных, отношений:

• **С одной стороны, наши респонденты говорят, что Сталин виновен в гибели миллионов, с другой — что он добился великой победы. Эти два тезиса не могут соединиться в одной голове, поэтому прошлое вытесняется, забывается. И вот уже 41 % людей говорят, что безразличны к Сталину или не знают, как сформулировать отношение к нему — потому что отношения просто нет** (НГ. 2015. № 35). В первых, «респонденты» могут быть разные: одни оценивают Сталина исключительно отрицательно, другие — исключительно положительно. Во вторых, есть респонденты, мыслящие диалектически, у них эти два тезиса вполне закономерно «соединяются в одной голове», не создавая когнитивного диссонанса. И в том, и в другом случае нет оснований говорить о «вытеснении» или «забывании» прошлого. Есть основания говорить, что часть населения (особенно его молодая часть) этого прошлого просто не знает в силу убогости исторического образования, а часть — запуталась в этом прошлом, что неудивительно, если учесть идеологический хаос в предъявлении этого прошлого СМИ.

3.10. Тактика «вброса» (как бы случайного включения) в нейтральный текст идеологически оценочного фрагмента.

• Так, в довольно обширное интервью Ксении Кнорре-Дмитриевой с участниками петербургской группы стрит-арта «Gondhi» по поводу их творчества включен такой фрагмент: — *Сейчас везде*

политика — это отражается на ваших работах? — Да, конечно. Например, когда в начале марта Совет Федерации одобрил ввод войск на территорию Украины, мы в тот же вечер собрались, сделали трафареты и пошли по улицам. Картинки в основном были метафорическими — например, танк с обвисшим стволом и надписью „Маленькая победоносная ...ня“; портрет женщины в украинском венке с надписью: „Вова, я ухожу от тебя“; маленький танк, у которого колеса складывались в олимпийские кольца (НГ. 2014. № 131).

3.11. Тактика подачи диффамирующей информации в нарочито гипотетической модальности с расчетом посеять сомнения, поколебать уверенность реципиентов в чем-либо или ком-либо и в то же время избежать обвинения в клевете.

• Например, в повествование о ком-либо (негативно-оценочного содержания) включается такой фрагмент: *Еще раз, и это важно: данный текст лишь предположительно имеет отношение к Стрелкову (Гиркину), предположительно сотруднику ФСБ. Вполне вероятно, что это типичное военное воспоминание одного обладающего склонностью к литературному творчеству участника событий 15-летней давности. Ничего более твердо мы гарантировать не можем* (НГ. 2015. № 35). В этом тексте нет прямого обвинения Стрелкова, но сомнения в его невиновности у читателя закрадываются.

3.12. Тактика дискредитации мишени путем указания на некомпетентность или необъективность того, кто дает ей позитивную характеристику:

• *И сегодня, после Крыма, Дана Рорабахер (кстати, бывший спичрайтер президента Рейгана) не перестает поддерживать российские власти. Вот что он заявил на слушаниях в конгрессе: „Мои коллеги не знают, какие значительные реформы прошли в России. Церкви там переполнены. Оппозиционные газеты продаются в любом газетном киоске. Люди могут проводить демонстрации в парках“. А на вопрос о „Гусси Райот“, побитых казаками в Сочи, Рорабахер только пожал плечами: „Я не думаю, что такое происходит там часто. Есть много людей, абсолютно свободно выходящих на демонстрации“. Возможно, в офис конгрессмену следует отправить вместо водки копию фильма „Левиафан“, если он в связи с загруженностью не сможет сходить в кинотеатр, где только что с успехом прошла вашингтонская премьера фильма Андрея Звягинцева, номинанта „Оскара“?* (НГ. 2015. № 8).

3.13. Тактика выражения сомнений в искренности и правдивости высказываний диффамируемой мишени (в приведенном отрывке речь идет об обстоятельствах гибели малайзийского лайнера МН-17):

• *В Москве доклад американской разведки восприняли с иронией. Почему американцы не выкладывают спутниковые данные? Этот вопрос породил массу конспирологических версий. Самая популярная: Вашингтон договаривается с Москвой тайно. Важен другой момент, который российские СМИ практически не замечают, — это общий обвинительный тон в отно-*

шении России после трагедии МН-17. Общий для всех стран Запада, всех крупнейших СМИ и более или менее значимых политиков. Такое единодушие — редкость. Конечно, для российских граждан, черпающих 90 процентов информации с телеэкрана, можно найти „говорящие головы“ американских и европейских экспертов, которые представляют картину трагедии вполне в духе кремлевского агитпропа. Но это будут специальные люди, для которых антиамериканизм — профессия. Их круг ограничен, и они кочуют из программы в программу. Это проверенные бойцы информационных войн (НГ. 2014. № 8).

3.14. Тактика развенчания исторически позитивных мифов. Примером может служить такое место в рассказе о поездке Евгения Евтушенко в Сибирь:

• Каким-то особым чутьем поэт удержался от соблазна следовать литературной традиции — фигуру Ермака возвеличивать чрезмерно, принимая исторические последствия похода за пушинной как providческий государственный замысел расширить территорию России.<...> В переносном смысле, в символическом, образ безукоризнен, но сибиряк Мартынов (собеседник Евтушенко. — А. С., Э. К.), конечно, не хуже других знал, что Ермака Тимофеевича и его дружину влек сбор ясака (шукрок соболя, горностая, лисицы, белки...). Принуждение аборигенов было жестоком, и там, где сбор не удавался, пепел сожженных стойбищ долго носился над лесами (НГ. 2014. № 131).

3.15. Тактика привлечения авторитетного источника (известного ученого, государственного деятеля, артиста, писателя и т. д.) для подтверждения правоты своей позиции.

• Так, критика инициативы депутатов Государственной думы в сексуальной сфере, корреспонденты «Новой газеты» цитируют такие высказывания Александра Асмолова, заведующего кафедрой психологии личности МГУ, вице-президента Российского общества психологов, академика РАО: — Ряду политиков, разрабатывающих „антисексуальные меры“, свойственно демонстрационно-стероидное поведение. Люди, которые пытаются получить контроль над половой жизнью других, ищут эмоциональных позлаживаний от собственных криков. Это попытка неадекватными средствами сделать так, чтобы тебя заметили. <...> Наша власть желает, чтобы мы были похожи друг на друга: надевали одну униформу, читали один учебник. Налицо — полная стандартизация, обезличивание жизни и страх перед необычным. Самое страшное для власти — проявления толерантного общества (НГ. 2014. № 126).

3.16. Тактика изображения оппонента интеллектуально неполноценным (недалеким, импульсивным, неосведомленным и т. п.).

• Например, в статье Юрия Сафонова «Ходорковский рассказал о самом главном» (НГ. 2014. № 106) цитируются такие слова Ходорковского: „Путин — человек эмоциональный, точнее, стал эмоциональным, и его окружение достаточно эффективно научилось этим пользоваться. И, конечно, очень многие решения он принимает вынужденно. Он не понимает, что

его к ним подвели, что использовали его эмоциональное состояние и что даже вот это эмоциональное состояние тоже было создано“.

3.17. Тактика «навешивания» ярлыков:

• В Первомайском сквере прошла серия одиночных пикетов. Их организатор Светлана Каверзина развернула плакат „Обращение к ФСБ. Остановите расползание православного экстремизма“ (НГ. 2014. № 126).

3.18. Близкой к предыдущей является тактика использования терминов со сформировавшейся под влиянием социально-исторических причин отрицательной аурой:

• Законодательные предложения депутатов и чиновников касаются всего подряд — секса, семейных отношений, религии, искусства, школьных учебников, идеологии, прессы, интернета. Это вполне можно считать начавшимся постепенным дрейфом из авторитаризма в тоталитаризм (НГ. 2014. № 126).

3.19. Тактика контрастного сопоставления того, что считается автором текста положительным, и того, что считается отрицательным (так сказать, оценочная антитеза).

• На этой тактике построена статья Юлии Латыниной «Рождение сверхдержавы», в которой успешная Китайская Народная Республика и ее лидер Си Цзиньпин противопоставлены неуспешной Российской Федерации и ее Президенту В. В. Путину. Один пример такого контрастного сопоставления: Именно Си Цзиньпин был звездой этого саммита, и в этом смысле история с Путиным, подающим шаль Пэн Люань, выглядит жалко не потому, что российский президент нарушил китайские обычаи и прикоснулся к первой леди Поднебесной, а потому, что российский президент хоть как-то пытался обратить на себя внимание, пока глава Поднебесной беседовал с Бараком Обамой. Построив целую цепочку противопоставлений, автор заканчивает статью таким пассажем: Для Поднебесной геополитика — естественное продолжение экономики, а процветающая экономика — необходимая база для успешной геополитики. Все, что делает Поднебесная в геополитике, противоположно тому, что делает Кремль, чья катастрофическая провинциальность, средневековость и местечковость как раз прекрасно характеризуются тем, что по итогам саммита G20 мы обсуждаем не явление миру новой сверхдержавы, а то, почему Путин не остался на завтрак (НГ. 2014. № 131).

3.20. Тактика многократного повторения дискредитируемого слова-понятия (часто на протяжении всего текста) в лексическом окружении, придающем этому слову негативную ауру.

• Так, например, в статье Надежды Кеворковой «Вызываем огонь на себя» (НГ. 2014. № 110) слова патриотизм, патриот, патриотический повторяются 36 раз, по преимуществу в предложениях и словосочетаниях такого типа: Эпохи приступа государственного патриотизма в России тягостны; патриотизм как элемент верноподданничества; Патриотизм возник как некий предписанный восторг перед властью; Ярчайший (в буквальном смысле) припадок патриотизма был организован во время войны 1812 года; новый вид государственного пат-

риотизма; Николай Второй метался от казней к европейскости, от реформаторов к патриотам; угар патриотизма; странный плод имперской вивисекции — патриотизм и др.

4. Постулат **категории отношения** («Не отклоняйся от темы») нарушается, в частности, тактикой «мягкой», комплиментарной нейтрализации политического оппонента, осуществляемой по методу «ложку дегтя в бочку меда».

• Например, такая тактика прослеживается в статье Дмитрия Быкова «Я не лирик, я аскет», посвященной 80-летию юбилею Новеллы Матвеевой (НГ. 2014. № 110). Статья содержит немало весьма почтительных слов в адрес юбиляра. Быков говорит о том, что *счастлив быть ее современником; что Матвеева остается защитницей человека труда, и у нее, в отличие от множества нынешних прихлебателей госпропаганды, это искреннее...*; что ей — *мастеру крепкого, точного, звучного стиха — потому так и покорялась форма, что никогда не была для нее самоцелью; что высокомерный эстетизм, самонимение интеллектуалов, культурные моды — все это всегда было ей чуждо; что он вырос в учениках Новеллы Матвеевой и ее мужа, поэта и переводчика Ивана Киуру и т. д. и т. п.* Однако в этом потоке комплиментов есть две небольшие вставки. Начинается статья с высказывания о стихотворении Матвеевой «Контра», в котором поэтесса обвиняет оппозицию в предательстве, измене и вредительстве. О нем Быков бегло замечает: *Что и говорить, эти стихи вряд ли украсят биографию Новеллы Матвеевой, — каковая биография, впрочем, остается безупречной: перед нами не донос, а открытое несогласие.* И еще — в середине статьи: *И то, что сегодняшняя российская оппозиция представляется ей предательской, — хотя в рядах этой оппозиции ходят на марши те самые люди, кто знает наизусть сотни ее стихов и песен, кто рос на них и детей на них воспитывал, — это классический случай неведения: Матвеева не любит богачей и отождествляет их с защитниками либеральных свобод.* Так делается попытка двумя вежливыми упреками нейтрализовать (или хотя бы ослабить) идейный пафос стихотворения Новеллы Матвеевой.

5. Нарушение **категории вежливости** можно усмотреть в следующих тактиках.

5.1. Тактика иронии, сарказма и оскорблений, иногда пронизывающих весь текст наряду с отрицательно-оценочными характеристиками.

• Так, в небольшой статье Ирины Лукьяновой «Война насекомых» (НГ. 2008. № 41) политические оппоненты, исповедующие идеи служения, Великой России, Справедливости, Национальной Идеи (написание с прописной буквы принадлежит автору анализируемого текста. — А. С. и Э. К.), названы **космическими тараканами** (именование повторяется многократно) и охарактеризованы с участием таких слов, как **дерьмо, паразиты, членистоногие, насекомая рать**.

5.2. Наиболее резко нарушение категории вежливости проявляется в использовании тактики глумления над национальными символами, святынями, героями и даже над самим народом.

• Так, в статье Надежды Кеворковой «Вызываем огонь на себя» (НГ. 2014. № 110) читаем: **Су-**

воров, с его шутовским „Мы — русские, какой восторг!“, **выскакивает из табакерки всякий раз, когда есть нужда в скрепах.** В это время запроса на патриотизм не было, образованные говорили по-французски и, **приближаясь к народу, обмахивали нос надушенным платком.** Ярчайший (в буквальном смысле) **припадок патриотизма** был организован во время войны 1812 года. **Именно тот патриотизм московские остроловы нарекли „квасным“**; <...> Сталин, в юности проживший среди трудяг в ссылках, думал, что понял суть русского характера. Но понял он его на свой лад — на банкете в честь окончания войны **поднял тост „за русский народ“, как поднимают тосты в грузинском застолье, с избыточным словословием...** Автора этого текста раздражает не столько Сталин сам по себе, сколько прознесенный им тост, в котором отмечена выдающаяся роль русского народа в победе над фашистскими захватчиками.

5.3. Тактика уничижительно-иронического преуменьшения каких-либо достоинств мишени (качества, силы, значимости, масштабности и т. д.) или/и преувеличения ее недостатков.

• Например, статья Бориса Бронштейна «Слов не хватает» с подзаголовком «ДНР рассчитывает на Россию даже в написании гимна» (НГ. 2014. № 110) от начала до конца пронизана такими высказываниями: *К исполнению гимна обычно всех просят встать, но в случае с самопровозглашенной Донецкой народной республикой пока можно посидеть; С одной стороны, правильно сделали, что обратились именно к нам. У нас государственные гимны кроются так мастерски, что они даже после нескольких перелицовок выглядят как новенькие. С другой стороны, что это за государство такое, если гимн ему напишут в другом государстве и пришлют как гуманитарную помощь?; Понятно, такой популярный в России заказчик, как ДНР, найдет здесь и композитора, и поэта. Откажутся наши творческие союзы — есть фирмы, пишущие гимны по заказу (правда, пока не государственные гимны, а корпоративные). Обычно компания сообщает им исходные данные: занимаемся, мол, лакокрасочным производством, выпускаем грунтовку, шпатлевку и эмаль. Этого достаточно. И поэт возьмется за исполнение заказа: „Мы покрасим всю страну — и в длину, и в ширину...“; Хочу покяться. В студенческой молодости сам я написал по заказу текст гимна для школы юных химиков <...>. Сказал, что писать буду несерьезно, и именно так и написал: Лишь первый луч над сонными аллеями, / А мы уже приветствуем его / Зарядкой по системе Менделеева, / Прыжками в ледяную аш два о... А вот в случае с ДНР кому-то придется писать серьезно. Хотя „аш два о“ в текст неизбежно подольют.*

Что касается собственно **языковых маркеров информационной войны**, участвующих в реализации той или иной тактики, то на первом месте по частотности стоят лексико-фразеологические средства языка. Отметим главные.

1. **Оценочные эпитеты:** *крошечные результаты, коррумпированный и мафиозный режим, состояние полной беспомощности и апатии,*

имперская политика, бессубъектная история, преднамеренное банкротство, вовремя подсушившийся, феерические новости, громкоголосые молодчики, сепаратистское движение (Донбасса), абсурдное представление, негативное общественное мнение, некачественное расследование, заплеванной пол, преступная группировка, запятнанная честь, нехитрая мысль, кривляющийся перед камерой казак, рыбодержавные идеи, живодерская идея, катастрофическое истребление, непродуманные антисанкции, варварское браконьерство и т. п.

2. Слова, обозначающие негативные явления, или слова и фразеологизмы с отрицательно-оценочной коннотацией, характеризующие ту или иную мишень (личность, партию, идеологию, процесс и т. д.): эйфория, мифы, аннексия, преступления, дискредитация, зачистка, ущерб, банкротство, абсурд, молодчики, сепаратисты (вместо ополченцы), фигурант (уголовного расследования), вылазка, подделка, отморозки, донос, империя зла, репрессии, несправедливость, фальсификация, закручивание гаек, насаждение, муть, говорящие головы, агрессия, интервенция, оккупация, тирания, эксплуатация, выпрашивание, негодяи, вакханалия, синдром, гадина, ад, предатели, ненависть, фальшивка, неосознанка, бесстыдство, бред, клептократия, клоуны, безвременье, разводка, хулиганство, людоедство, челядь и т. п.

3. Политические ярлыки, под которыми понимаются «слова и словосочетания общественно-политического содержания с односторонне-пейоративной оценкой, с ослабленным денотативным значением и гипертрофированным коннотативным» [Булгакова 2015: 172]. Добавим к этому, что, как правило, политические ярлыки в силу своей повторяемости представляют собой стереотипные языковые единицы типа красно-коричневые, национал-патриоты, фашисты, коммуяки, совок, демшиза и т. п. Не гнушается политических ярлыков и «Новая газета»: Открытие центров толерантности вызвало протесты традиционалистов и национал-патриотов (НГ. 2014. № 17); От советского патриотизма бежали в каратэ, рок-музыку, бродяжничество, походы. Что угодно, только не хитрая морда позднего совка (НГ. 2014. № 110) и т. п.

4. Синтаксические конструкции с отрицательно-оценочными предикатом (группой сказуемого): ...Это единственный язык, который понимает Путин; ...Рэнд Пол осудил аннексию Крыма...; Кремлевские силы <...> ностальгируют по СССР и хотели бы его реставрации; ...Эта политика аморальна; Общество и общественное мнение находятся в состоянии полной беспомощности и апатии; ...Политика — грязное дело...; Большинство современную имперскую политику поддерживает; Авторы, которые предлагают альтернативную историю, замалчиваются; Новый директор <...> стал фигурантом большого скандала...; Компания JFC <...> похитила у кредитных организаций более 5 млрд рублей; ...под его <Дмитрия Носова> руководством пытались сорвать траурный митинг памяти Немцова 1 марта в Красной-Ске; <борьба с наркотиками>... вылилась в

борьбу с людьми, собравшимися почтить память убитого оппозиционера; Слишком абсурдным было прокурорское представление; <прокурор> ответить не смог; Они кочуют из программы в программу; Эта доктрина опасна не только для Украины... и т. п.

5. Стилистические фигуры и тропы, под которыми понимаем прагматически мотивированные отклонения от языковой или речевой нейтральной нормы, способствующие усилению экспрессивности высказывания. В рассмотренных текстах встретились следующие примеры:

- **антитеза**: Это в США время от времени поднимаются дискуссии, можно ли применять так называемые „интенсивные допросы“. То есть пытаться можно или нет. У нас в стране таких дискуссий нет (НГ. 2015. № 35). Противоположение США и России построено таким образом и фигурирует в таком контексте, что у читателя создается впечатление, будто в России пытки — обычное дело и никто с ними не борется, в отличие от США; На фоне агрессора Путина Александр Лукашенко начинает мнить европейцам почти демократом (НГ. 2015. № 28);

- **антифразис**: Решение суда об экстрадиции олигарх ожидал в Вене почти год, периодически принимая посланцев с родины и сообщая обдумывая, какую бы еще причинить ей пользу (НГ. 2015. № 46) — антифразис, построенный на основе отклонения от нормы сочетаемости слов (ср.: причинить вред / принести пользу);

- **оксюморон**: В тот же день некоторые СМИ распространили информацию о том, что „неизвестные“ хорошо известны как бойцы полка патрульной службы милиции особого назначения „Днепр-1“ (НГ. 2015. № 32);

- **гиперболизация**: И вся эта закулисная муть называется новой европейской стратегией в отношении Беларуси и рассчитана на то, чтобы обогреть Лукашенко, оторвав его от Путина, со скоростью курьерского поезда теряющего средства как на содержание собственной страны, так и на поддержку вассалов (НГ. 2015. № 28);

- **трансформация прецедентного текста или фразеологизма**: Донос крепчал (НГ. 2015. № 33; заголовок). Ср.: мороз крепчал; Чуден «Днепр-1» при тихой погоде (НГ. 2015. № 32; заголовок). Ср.: Чуден Днепр при тихой погоде...; Мир, труд, мост (НГ. 2015. № 60; заголовок). Ср.: Мир. Труд. Май;

- **намеки** (косвенное, не прямое, ассоциативное выражение мысли): С начала крымско-украинской кампании прошло больше года. Но до сих пор многим политикам и аналитикам непонятно, „зачем Кремлю это было надо?“ (НГ. 2015. № 32) — намек на агрессивную политику России в отношении Украины; Так уже было. Санкции будут отменять, объясняя это политической целесообразностью. Потом вводить новые. Политзаключенных и репрессированных в Беларуси меньше не станет, но зачем-то же на свете существуют грабли? (НГ. 2015. № 28) — намек на ошибочную политику Запада в отношении Беларуси;

- **парентеза** (вставная конструкция) с оценочным лексическим наполнением: Ну, может быть,

тотальная изоляция и невыгодна. Но частичная — с ограничением вредных контактов и с санкциями, мобилизующими население (**вот они, гады, как на нас давят, а президент — молодец, не прогибается!**) <...> вполне полезна (НГ. 2015. № 32);

- **эллипсис** (стилистически значимая синтаксическая неполнота предложения, интенсифицирующая эмоционально-оценочное или образное значение всего предложения): *Гиркина на царство* (НГ. 2015. № 58; заголовок); *Друзьям — все. Врагам — закон* (НГ. 2015. № 58; заголовок);

- **метафора, выражающая оценку**: *Но теперь, имея опыт, приобретенный ценой потерь, и в дни перемирия под покровом многократно протерленных минометами и „Градами“ Минских соглашений, он пытался соединить людей с оружием в единое управляемое целое* (НГ. 2015. № 32); *22 марта в Киеве снова вспыхнул скандал, связанный со сменой сфер влияния в госкомпании „Укрнафта“* (НГ. 2015. № 32);

- **метонимия**: *С самого прихода Путина к власти и утверждения в Кремле сил, которые ностальгируют по СССР и хотели бы его реставрации, началось тихое навязывание Сталина в качестве символа всемогущества власти* (НГ. 2015. № 35); *Как отмечает прокуратура Нидерландов, расследуется и предлагаемая Москвой версия о причастности украинского истребителя к уничтожению пассажирского лайнера* (НГ. 2015. № 35);

- **игра с именами собственными**: *Иосиф Виссарионович Грозный* (НГ. 2015. № 35; заголовок); *Одновременно начались действия по дискредитации „пиндосов“ и „Гейропы“...* (НГ. 2015. № 32);

- **диалогия** (совмещение в одном слове двух значений, обусловленное стилистическим контекстом): *В опере прозвучала партия жуликов и воров* (НГ. 2015. № 35; заголовок);

- **экспрессивное иносказание**: *Последовало сворачивание „модернизационного проекта“, усиление репрессий и включение думского „взбесившегося принтера“, чтобы запугать оппозиционеров и сузить правовое пространство свободы* (НГ. 2015. № 32);

- **гипофора** (вопрос или цепочка вопросов, предполагающих ответ на них, часто развернутый): *Для начала отбросим очевидно пропагандистские версии <...>. Что остается? Недопущение Украины в НАТО и натовской базы в Севастополь? Укрепление безопасности страны? Рост влияния России в мире? Сплочение „русского мира“? Консолидация в рамках „Евразийского проекта“?* (НГ. 2015. № 32);

- **силлепсис оценочного типа** (постановка в ряд перечисляемых слов-понятий, обозначающих отрицательные явления, слова-понятия, называющего дискредитируемую мишень): *Разговор с психологами о ненависти, агрессии, **русском менталитете**, параличе сознания, потере социальной чувствительности и неуверенности в себе* (НГ. 2014. № 10).

6. **Графическое средство** — кавычки как маркер иронии и/или сомнения в истинности того, что обозначено словом или словосочетанием,

заклученным в них: *Авторы напоминают, что Москва не делает секрета из участия российских „добровольцев“ в боях на стороне сепаратистов в Украине, но отрицает вовлеченность российских вооруженных сил, хотя множатся свидетельства обратного* (НГ. 2015. № 35); *Погромы выставок, уничтожение картин стали обычным делом для „православных активистов“* (НГ. 2015. № 33).

Выводы

1. Рассмотренные тексты содержат многочисленные признаки информационно-психологической войны, объектом которой является сознание российского народа, а в качестве мишеней выступают такие аспекты государства и народного бытия, которые обеспечивают жизнеспособность страны.

2. Во всех исследованных текстах, по сути дела, осуществляются две генеральные стратегии информационно-психологической войны: стратегия дискредитации и стратегия апологетики. Причем стратегия дискредитации с ее субстратегиями осуществляется в большом спектре речевых тактик, отличающихся разной степенью сложности, узнаваемости, а следовательно, действенности. Выявление и описание этих тактик должно быть продолжено.

3. Для реализации стратегии дискредитации и ее субстратегий авторы «Новой газеты» используют целый комплекс тактик (представленный здесь далеко не полно), отличающихся разной степенью сложности, частотности и узнаваемости, а следовательно, и действенности.

4. Кроме стилистически нейтральной лексики, составляющей основу формирования любых текстов, в текстах информационно-психологической войны для формирования соответствующих коммуникативных тактик, оценочной тональности и усиления экспрессии используются в основном следующие средства: оценочные эпитеты; номинации предметов (в широком смысле) и фактов, наделенные отрицательно-оценочной коннотацией; слова, обозначающие отрицательные явления; политические ярлыки; синтаксические конструкции с отрицательно-оценочными предикатами; стилистические фигуры и тропы; такое графическое средство, как кавычки.

5. Все рассмотренные тактики, будучи средством манипуляции сознанием, нарушают речевую этику, и прежде всего лингвопрагматические постулаты, имеющие этический характер.

6. Поскольку изучение языкового аспекта информационно-психологической войны, связанное с проблемой информационной безопасности страны, в данной статье только фрагментарно намечено, есть острая необходимость в продолжении такого рода исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев Д. Разруха в головах. Информационная война против России. — СПб. : Питер, 2014.
2. Булакова Н. Е. Словесные ярлыки периода Октябрьской революции и Гражданской войны (1917—1925 гг.) // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 1. С. 171—181. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/332-2/>.
3. Брусицын Н. А. Информационная война и безопасность. — М. : Вита-Пресс, 2001.
4. Бухарин С. Н., Цыганов В. В. Методы и технологии информационных войн. — М. : Академический проект, 2007.

5. Василенко И. А. Политическая философия : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. — М. : ИНФРА-М, 2009.
6. Вепринцев В. Б., Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б. Операции информационно-психологической войны : краткий энцикл. словарь-справочник / под ред. А. И. Петренко. 2-е изд., стер. — М. : Горячая линия : Телеком, 2015.
7. Губарев А. Б. Информационные войны как объект политологического исследования : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. — Уссурийск, 2005.
8. Дзялошинский И. М., Дзялошинская М. И. Российские СМИ: как создается образ врага : статьи разных лет. — М. : Московское бюро по правам человека : Academia, 2007.
9. Иванов Л. Ю. Постулаты речевого общения // Культура русской речи : энцикл. словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. — М. : Флинта : Наука, 2003. С. 495—497.
10. Кара-Мурза С. Г. Власть манипуляции. Изд. 3-е. — М. : Академический проект, 2015а.
11. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. Век XXI. — М. : Алгоритм, 2015б.
12. Ковалёва Т. С. Стратегия манипуляции в информационной войне // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 78—86.
13. Копнина Г. А. Речевое манипулирование. 3-е изд. — М. : Флинта : Наука, 2010.
14. Копнина Г. А. Речевое манипулирование // Эффективное речевое общение: базовые компетенции : словарь-справочник. — Красноярск : Изд-во Сибир. фед. ун-та, 2012. С. 534—535.
15. Коровин В. М. Третья мировая сетевая война. — СПб. : Питер, 2014.
16. Коровин В. М. Удар по России. Геополитика и предчувствие войны. — СПб. : Питер, 2014.
17. Клачков П. В. Гуманитарные технологии как факторы обеспечения целостности современного государства : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. — Красноярск, 2013.
18. Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты / пер. с англ. С. И. Остнек. — Харьков : Гуманитарный центр, 2010.
19. Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Война после войны: информационная оккупация продолжается. — М. : Алгоритм : Эксмо, 2005.
20. Манойло А. В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта. URL: http://www.soldiering.ru/psychology/psyops_01.php (дата обращения: 30.07.2015).
21. Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологических конфликтов высокой интенсивности и социальной опасности. — М. : МИФИ, 2004.
22. Некляев С. Э. Информационно-психологическая война в условиях сетевой войны как новая форма угрозы национальной безопасности // Вестн. Моск. ун-та. Сер.10, Журналистика. 2008. № 5. С. 35—51.
23. Панарин И. Н. Первая мировая информационная война. Развал СССР. — СПб. : Питер, 2010.
24. Панарин И. Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. — М. : Поколение, 2012.
25. Подъяпольский С. А. Обеспечение целостности полиэтнического государства : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. — Красноярск, 2014.
26. Почепцов Г. Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. — М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 1999.
27. Почепцов Г. Г. Психологические войны. — М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 2000.
28. Почепцов Г. Г. Информационные войны и будущее. — Киев : Ваклер, 2002.
29. Почепцов Г. Г. Информационные войны. Новый инструментарий политики. — М. : Алгоритм, 2015.
30. Расторгуев С. П. Информационная война. — М. : Радио и связь, 1999.
31. Самохвалова В. И. Специфика современной информационной войны // Идеология и процессы социальной модернизации : сб. статей / под общ. ред. Т. Б. Любимовой. — М. : Academia, 2013. С. 184—219.
32. Сковородников А. П. Коммуникативные стратегии и тактики // Эффективное речевое общение: базовые компетенции : словарь-справочник. — Красноярск : Изд-во Сибир. фед. ун-та, 2012. С. 246—247.
33. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Способы манипулятивного речевого воздействия в российской прессе // Политическая лингвистика. 2012а. № 3(41). С. 36—42.
34. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Тексты СМИ как поле речевых манипуляций и их разоблачений (на материале российской прессы) // Лингвистика речи. Медиалингвистика : коллективная моногр., посвящ. 80-летию проф. Г. Я. Солганика. — М. : Флинта : Наука, 2012б. С. 467—491.
35. Соколова А. М. Информационные войны в условиях глобализации: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. — Красноярск, 2007.
36. Ткаченко С. В. Информационная война против России. — СПб. : Питер, 2011.
37. Цуладзе А. М. Политические манипуляции, или Покорение толпы. — М. : Книжный дом «Университет», 1999.
38. Цыганов В. В., Бухарин С. Н. Информационные войны в бизнесе и политике: теория и методология. — М. : Академический проект, 2007.
39. Шевцов А. М. Техника ведения дискуссии как один из инструментов ведения информационно-психологической войны // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2014. № 1. С. 81—83.

A. P. Skovorodnikov, E. A. Korol'kova
Krasnoyarsk, Russia

SPEECH TACTICS AND LANGUAGE MEANS OF POLITICAL INFORMATION-PSYCHOLOGICAL WARFARE IN RUSSIA: ETHICAL-PRAGMATIC ASPECT (based on the materials of the «Novaya Gazeta»)

ABSTRACT. The article is devoted to the study of the internal Russian information warfare through generalization of scientific literatures and observation of real speech material. The author defines the notions of information-psychological warfare, its subject, object, target, actor, information warfare arms, communicative strategy and communicative tactics. In view of these concepts, the article focuses on speech tactics and their linguistic realization in the framework of the internal Russian information-psychological warfare. More than 30 manipulative tactics that violate certain linguo-pragmatic ethical postulates have been found and characterized. The linguistic means of realization of these tactics include evaluative epithets, nominations with negative connotation and evaluation, political labels, syntactic structures with negative-evaluative predicates, a number of stylistic figures and such a graphical tool as inverted commas. It is concluded that the study of linguistic aspects of information warfare is urgent and important for the security of the Russian society and the state.

KEYWORDS: information warfare, manipulation, lingvopragmatic postulates, strategies, tactics, linguistic means, security.

ABOUT THE AUTHOR: Skovorodnikov Aleksandr Petrovich, Doctor of Philology, Full Professor, Professor-consultant of Department of Russian Language, Literatures and Speech Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

ABOUT THE AUTHOR: Korol'kova Elina Aleksandrovna, Post-graduate Student of Department of Russian Language, Literatures and Speech Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

REFERENCES

1. Belyaev D. Razrukha v golovakh. Informatsionnaya voyna protiv Rossii. — SPb. : Pi-ter, 2014.
2. Bulgakova N. E. Slovesnye yarlyki perioda Oktyabr'skoy revolyutsii i Grazhdan-skoy voyny (1917—1925 gg.) // *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2015. № 1. S. 171—181. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/332-2/>.
3. Brunsitsyn N. A. Informatsionnaya voyna i bezopasnost'. — M. : Vita-Press, 2001.
4. Bukharin S. N., Tsyganov V. V. Metody i tekhnologii informatsionnykh voyn. — M. : Akademicheskii proekt, 2007.
5. Vasilenko I. A. Politicheskaya filosofiya : ucheb. posobie. 2-e izd., pererab. i dop. — M. : INFRA-M, 2009.
6. Vepriyev V. B., Manoylo A. V., Petrenko A. I., Frolov D. B. Operatsii informa-tsionno-psikhologicheskoy voyny : kratkiy entsikl. slovar'-spravochnik / pod red. A. I. Petrenko. 2-e izd., ster. — M. : Goryachaya liniya : Telekom, 2015.
7. Gubarev A. B. Informatsionnye voyny kak ob'ekt politologicheskogo issledova-niya : dis. ... kand. polit. nauk : 23.00.02. — Ussuriysk, 2005.
8. Dzyaloshinskiy I. M., Dzyaloshinskaya M. I. Rossiyskie SMI: kak sozdaetsya obraz vraga : stat'i raznykh let. — M. : Moskovskoe byuro po pravam cheloveka : Academia, 2007.
9. Ivanov L. Yu. Postulaty rechevogo obshcheniya // *Kul'tura russkoy rechi : entsikl. slo-var'-spravochnik* / pod red. L. Yu. Ivanova, A. P. Skovorodnikov, E. N. Shiryayeva. — M. : Flinta : Nauka, 2003. S. 495—497.
10. Kara-Murza S. G. Vlast' manipulyatsii. Izd. 3-e. — M. : Akademicheskii proekt, 2015a.
11. Kara-Murza S. G. Manipulyatsiya soznaniem. Vek XXI. — M. : Algoritm, 2015b.
12. Kovaleva T. S. Strategiya manipulyatsii v informatsionnoy voyne // *Politicheskaya lingvistika*. 2011. № 3 (37). S. 78—86.
13. Kopnina G. A. Rechevoe manipulirovaniye. 3-e izd. — M. : Flinta : Nauka, 2010.
14. Kopnina G. A. Rechevoe manipulirovaniye // *Effektivnoe rechevoe obshcheniye: bazovye kompetentsii : slovar'-spravochnik*. — Krasnoyarsk : Izd-vo Sibir. fed. un-ta, 2012. S. 534—535.
15. Korovin V. M. Tret'ya mirovaya setevaya voyna. — SPb. : Piter, 2014.
16. Korovin V. M. Udar po Rossii. Geopolitika i predchuvstvie voyny. — SPb. : Pi-ter, 2014.
17. Klachkov P. V. Gumanitarnye tekhnologii kak faktory obespecheniya tselostnosti sovremennoy gosudarstva : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.11. — Krasno-yarsk, 2013.
18. Lilleker D. Politicheskaya kommunikatsiya. Klyucheveye kontsepty / per. s angl. S. I. Ostnek. — Khar'kov : Gumanitarnyy tsentr, 2010.
19. Lisichkin V. A., Shelepin L. A. Voyna posle voyny: informatsionnaya okkupatsiya prodolzhaetsya. — M. : Algoritm : Eksmo, 2005.
20. Manoylo A. V. Informatsionno-psikhologicheskaya voyna: faktory, opredelyayushchie format sovremennoy vooruzhennogo konflikta. URL: http://www.soldiering.ru/psychology/psyops_01.php (data obrashcheniya: 30.07.2015).
21. Manoylo A. V., Petrenko A. I., Frolov D. B. Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v usloviyakh informatsionno-psikhologicheskikh konfliktov vysokoy intensivnosti i sotsial'noy opasnosti. — M. : MIFI, 2004.
22. Neklyayev S. E. Informatsionno-psikhologicheskaya voyna v usloviyakh setevoy voyny kak novaya forma ugrozy natsional'noy bezopasnosti // *Vestn. Mosk. un-ta. Ser.10, Zhurnalistika*. 2008. № 5. S. 35—51.
23. Panarin I. N. Pervaya mirovaya informatsionnaya voyna. Razval SSSR. — SPb. : Piter, 2010.
24. Panarin I. N. SMI, propaganda i informatsionnye voyny. — M. : Pokolenie, 2012.
25. Pod"yapol'skiy S. A. Obespecheniye tselostnosti politnicheskogo gosudarstva : dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.11. — Krasnoyarsk, 2014.
26. Pocheptsov G. G. Kommunikativnye tekhnologii dvadtsatogo veka. — M. : Refl-buk ; Kiev : Vakler, 1999.
27. Pocheptsov G. G. Psikhologicheskie voyny. — M. : Refl-buk ; Kiev : Vakler, 2000.
28. Pocheptsov G. G. Informatsionnye voyny i budushchee. — Kiev : Vakler, 2002.
29. Pocheptsov G. G. Informatsionnye voyny. Novyy instrumentariy politiki. — M. : Algoritm, 2015.
30. Rastorguev S. P. Informatsionnaya voyna. — M. : Radio i svyaz', 1999.
31. Samokhvalova V. I. Spetsifika sovremennoy informatsionnoy voyny // *Ideologiya i protsessy sotsial'noy modernizatsii : sb. statey / pod obshch. red. T. B. Lyubimovoy*. — M. : Academia, 2013. S. 184—219.
32. Skovorodnikov A. P. Kommunikativnye strategii i taktiki // *Effektivnoe reche-voe obshcheniye: bazovye kompetentsii : slovar'-spravochnik*. — Krasnoyarsk : Izd-vo Sibir. fed. un-ta, 2012. S. 246—247.
33. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. Sposoby manipulyativnogo rechevogo vozdeystviya v rossiyskoy presse // *Politicheskaya lingvistika*. 2012a. № 3(41). S. 36—42.
34. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. Teksty SMI kak pole rechevykh manipulyatsiy i ikh razoblacheniy (na materiale rossiyskoy pressy) // *Lingvistika rechi. Mediastilistika : kollektivnaya monogr., posvyashch. 80-letiyu prof. G. Ya. Solganika*. — M. : Flinta : Nauka, 2012b. S. 467—491.
35. Sokolova A. M. Informatsionnye voyny v usloviyakh globalizatsii: sotsial'no-filosofskiy analiz : dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.11. — Krasnoyarsk, 2007.
36. Tkachenko S. V. Informatsionnaya voyna protiv Rossii. — SPb. : Piter, 2011.
37. Tsuladze A. M. Politicheskie manipulyatsii, ili Pokorenie tolpy. — M. : Knizhnyy dom «Universitet», 1999.
38. Tsyganov V. V., Bukharin S. N. Informatsionnye voyny v biznese i politike: teo-riya i metodologiya. — M. : Akademicheskii proekt, 2007.
39. Shevtsov A. M. Tekhnika vedeniya diskussii kak odin iz instrumentov vedeniya informatsionno-psikhologicheskoy voyny // *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya*. 2014. № 1. S. 81—83.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева.